

ное обращение ошибкой. Тот, чья рука не дрогнула благословить приговор декабристам, — передовым людям своего поколения, — не станет вровень с Петром I — таково было твердое убеждение Александра Ивановича. Многому его научила и неудача хлопот за брата; он понял, что надеяться на великодушные Николая I бессмысленно, что судьба брата и его соратников решена на долгие годы. Что же было делать? Помогать пострадавшим и опровергать официальную лживую версию, очищать от наветов доброе имя патриотов, дерзнувших выступить против абсолютизма.

Четверть века спустя Герцен печатным опровержением доклада следственной комиссии по делу декабристов завершит многолетнюю устную пропаганду Тургенева в европейских салонах. Александру Ивановичу не довелось дожить до гневной отповеди Герцена царским «законникам»; как бы он ликовал, если его радовали даже краткие упоминания о декабристах. 24 января 1831 года во французской газете, «*Constitutionnel*» было напечатано письмо из Польши. Автор письма (оно опубликовано анонимно) от имени поляков предлагал русским совместно бороться с Николаем I: «Окровавленные тени Пестеля, Рылеева и Муравьева зывают к вам».²⁶ — восклицал автор письма. И вот газета в руках у Александра Ивановича; в его дневнике появляется запись о том, что «начинают уже славить имена наших — погибших...»²⁷

Вскоре Тургенев приедет в Россию и с волнением будет читать потаенные стихи Пушкина.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

В заграничных дневниках Тургенева то здесь, то там мелькают имя Пушкина и строки стихов его. Пушкин «сопутствовал» Александру Тургеневу в его скитаниях; поэзия Пушкина помогала Тургеневу влачить тягостные дни полудобровольного изгнания. Случалось ему и спорить мысленно с поэтом. Но разве дружба исключает споры?

²⁶ «*Constitutionnel*», 1831, 24 janvier.

²⁷ ИРЛИ, ф. 309, № 325, л. 20 об. Запись от 28 января 1831 г.

А. И. Тургенев вернулся на родину в первых числах июня 1830 года. Проездом в Москву он ненадолго задержался в столице; тут и привелось увидеться с Пушкиным после одиннадцатилетней разлуки; встреча была краткой, где-то на людях, поговорить по душам не удалось.

«Мне иногда очень грустно, что в деятельную, решительную эпоху его жизни мы не встретились и даже в эпоху моего душевного и интеллектуального возраста — виделись мы только на час, ночью, не успели ни высказать себя, ни проститься, — сетовал Александр Иванович Жуковскому. — Где он будет зимовать? В Царском или в П^{кетер} б^{сурге}? Здесь перестали морить его. Скажи ему, что я все еще оправдываю стих его — „и сплю“ — есть ли не у графа де Лаваль, то в театре за переименованным Потье. Недавно всхрапнул и рассмешил дам, лучше французских шуток актера».¹

Тургенев намекает на старину, на давнишнее послание 1817 года, в котором Пушкин писал ему:

Ленивец милый на Парнасе,
Забыв любви своей печаль,
С улыбкой дремлешь в Арзамасе
И спишь у графа де Лаваль.

¹ ИРЛИ, ф. 309, № 4714. — О Пушкине и семье графа де Лаваль см.: Вайнштейн А. Л., Павлова В. П. К истории повести Пушкина «Гости съезжались на дачу...». — Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л., 1969, с. 36—43.

Вечная суета утомляла Тургенева. Задремать в гостях, сидя в удобных вольтеровских креслах, или в театральной ложе с давних пор было свойственно Александру Ивановичу.

Время не поколебало его дружеской приязни к Пушкину, а мимолетная встреча в Петербурге воскресила прошлое и возбудила живейший интерес Тургенева к творческим замыслам поэта. 14 сентября 1831 года Александр Иванович просил Жуковского: «Обними историографа Петра 1-го, так прошел здесь о нем слух, но только слух. Скажи ему, что одна из рукописей о Петре I (на немецком), о коей Карамзин так выгодно отзывался, есть у меня; что не худо иметь и сербскую его биографию, в Венеции в двух частях вышедшую, и кое-что другое, о чем нужно справиться с моим архивом и с журналами. Все к его услугам; но как выбрать из громады, которую теперь начинаю приводить в порядок?»²

Ученик известных немецких ученых Шлецера (издателя Несторовой летописи) и Геерена, Александр Иванович со студенческой скамьи пристрастился к историческим дисциплинам. Археографические разыскания, которыми заполнена вторая половина жизни Тургенева, стали прочным связующим звеном между ним и Пушкиным. Ведь общие духовные интересы сильнее сближают людей, нежели случайные симпатии или иные жизненные обстоятельства.

В свое время Александр Иванович добывал исторические документы для Карамзина. Теперь, когда историографом стал Пушкин, Тургенев спешит ему на помощь. 16 сентября 1831 года Тургенев — Жуковскому: «Для биографа Пушкина нужен и журнал Шотландца, служившего у нас с младенчества и вряд ли не до кончины. У меня копия с него в Лондоне, здесь в Архиве оригинал и в Петербурге у меня оглавление оно».³

Пушкина заинтересовал этот источник. Он получил выписку из немецкого рукописного перевода дневника

² ИРЛИ, ф. 309, № 4714. — Сербская биография Петра I — это «Житие и славные дела государя императора Петра Великого... Ныне первое на Славенском языке списана и издана. В Типографии Дмитрия Феодосия. 1772». В библиотеке Пушкина сохранился второй том этого издания.

³ Там же. — Тургенев имеет в виду московский архив Коллегии иностранных дел.

Гордона; позднее поэт встречался с Д. Е. Келлером, который в 1836 году переводил этот дневник с английского оригинала на русский.

О замысле Пушкина пошли толки в обществе; 23 октября Тургенев занес в дневник: «Разговор о Пушкине и Петре I с Уваровым, с князем Голицыным» и внимание других к словам нашим» (126).⁴ Вскоре Тургеневу довелось разговаривать об этом замысле уже с самим Пушкиным, который в начале декабря приехал в Москву.

«8 декабря <...> Был у Пушкина и разговаривал о Петре I» (126). Запись предельно кратка. По-видимому, Пушкин рассказывал о том, как он воспринимает фигуру царя-преобразователя. «Кланяйся Пушкину: он обещал написать мне с оказией: напости ему, — просил Тургенев Вяземского 25 января 1832 года. — Скажи, что я слушал в Историческом обществе — вступление в историю Петра I Свиньина и Архивские замечания на оное Малиновского и прагматические Антона Антоновского. Жалею, что и я сделал одно: о мужественном виде младенца — Петра. — Исправлять не должно Гения-писателя».⁵

Речь идет о первых страницах истории Петра I, прочитанных или пересказанных Пушкиным при его встречах с Александром Ивановичем в декабре 1831 года. Во время беседы Тургенев сделал замечание и теперь винил себя за него; он надеялся, что Вяземский передаст Пушкину его сожаление, и, скорее всего, оно дошло по адресу.

Вспоминать о необдуманном замечании было тем обиднее, что Александр Иванович твердо верил в «гения-писателя», в его грядущий успех историка; три года спустя он занес в дневник свой разговор с Геереном о преподавании истории наследнику русского престола: «Напр. сначала взять Историю Петра Великого, хорошо написанную (т. е. когда напишет ее Пушкин, подумал я)».⁶

Царствование Петра I влекло Пушкина по многим соображениям.

Здесь и попытка расчлнить добро и зло, завещанные потомству политикой великого государственного деятеля, раздумья над истинным значением петровских реформ.

⁴ Дневниковые записи за 1831—1834 годы взяты из моей статьи «Пушкин в дневниках А. И. Тургенева». — РЛ, 1964, № 1, с. 125—134 (страницы указываются в тексте, в скобках).

⁵ Архив братьев Тургеневых, вып. 6. Пг., 1921, стр. 89

⁶ ИРЛИ, ф. 309, № 305, л. 57. Запись от 21 июля 1834 г.

Здесь и настойчивая, неотвязная мысль о судьбе старинных дворянских родов, униженных крутым самовластием Петра I, табель о рангах, ненавистная Пушкину тем, что она открыла доступ в дворянское сословие выходцам из других слоев общества.

Здесь и тема милосердия, опрокинутая в историческое прошлое.

«Стансы», «Пир Петра Первого», «Полтава», «Моя родословная», «Арап Петра Великого», «Медный всадник», «История Петра» — без преувеличения можно утверждать, что со второй половины 1820-х годов Петр I становится неизменным спутником Пушкина.

Вслед за словами о Петре I в дневнике Тургенева записано: «Вечер у Вяземского с Пушкиным». Разговор с ним и с Вяземским об Англии, Франции, их авторах, их интеллектуальной жизни и пр.: и они мою жизнь на минуту оживились...» (126).

В Париже Тургенев посещал литературные и политические салоны. С Шатобрианом, патриархом французской словесности, он часто встречался в гостеприимном салоне мадам Рекамье; их беседы были живыми и увлекательными. Теперь, в Москве, Александр Иванович с чувством, с толком, с расстановкой рассказывал о знаменитом старце. Когда позднее Пушкин писал статью «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“», он, конечно, знал о «первом из современных французских писателей» значительно больше того, что мог прочесть из книг; в импровизациях Александра Ивановича перед ним вставал живой Шатобриан.

Разговоры нараспашку с Мериме и Стендалем, приемы у Альбертины Бройль (дочери мадам де Сталь), посещение лекций Кювье по истории точных наук, беседы с историками Минье, Сисмонди, Сент-Олером, Баланшем, с ориенталистами Ремюза, Жомаром, со многими литераторами, учеными, политическими деятелями Франции, — Александру Ивановичу было о чем вспоминать.

Обширен круг английских знакомых Тургенева — писатели Вальтер Скотт, Томас Мур, Роберт Саути, государственные деятели маркиз Лансдоун, Генри Брум, Роберт Вильсон, историк и публицист Джеймс Макинтош, филантропы Маколей и Вильберфорс и многие, многие дру-

гие. Александр Иванович присутствовал на бурных заседаниях английского парламента, посещал научные общества. В пестром калейдоскопе его воспоминаний мелькали десятки лиц, книги по различным отраслям знаний, брошюры политические и религиозные, журналы, газеты...

Далее под той же датой 8 декабря мы читаем запись: «Спор Вяземского с Пушкиным»: оба правы» (126). Последние два слова Тургенев зачеркнул. Почему? Повидимому, он сильно колебался во время спора Пушкина с Вяземским, и не только во время спора, но и придя домой, и заносил в дневник свои впечатления о прожитом дне, Александр Иванович продолжал колебаться. О чем же спорили Вяземский и Пушкин?

Спор шел о польско-русских отношениях. Несколько лет спустя, вспоминая эти словесные схватки, Тургенев писал в дневнике: «... князь Гагарин», который опять повторил, что я один, по чувству христианскому, понимаю Европу, один — один из русских, но что многим во мне недоволен. — О Вяземском». «Камергер Пушкин теперь в отставке». Я объяснил ему и Вяземского о Пушкине и их отношения. Вяземский не поддавался ему; не во всем с ним соглашался, а спорил часто; например, за Польшу в Москве против Пушкина и Денкиса Давыдова — соглашаясь со мною».⁷

Начало 1830-х годов — время, когда Пушкин с обостренным вниманием следил за европейскими событиями. Во встречах с иностранными дипломатами в салоне Фикельмон, в переписке с Елизаветой Михайловной Хитрово, в получаемых через ее посредство французских газетах и брошюрах черпал Пушкин разнообразную информацию о делах Западной Европы. 21 августа 1830 года Пушкин писал из Москвы Е. М. Хитрово: «Как я должен благодарить Вас, сударыня, за любезность, с которой Вы уведомляете меня хоть немного о том, что происходит в Европе! Здесь никто не получает французских газет, а что касается политических суждений обо всем происшедшем,

⁷ ИРЛИ, ф. 309, № 319, л. 138 об. Запись от 31. III. 1842 г. — Князь Гагарин — скорее всего Иван Сергеевич (1814—1882), принявший в 1842 г. католичество. Не ясна фраза, сказанная им: «Камергер Пушкин теперь в отставке». Гагарин спутал звание Пушкина, но это не столь существенно; главное, что он имел в виду. Надо думать, что он подчеркивал недостаточное внимание современников к памяти поэта.

то Английский клуб решил, что князь Дмитрий Голицын был не прав, издав ордонанс о запрещении игры в экарте. И среди этих-то орангутангов я осужден жить в самое интересное время нашего века!» (XIV, 415; подлинник по-французски).⁸

Сохранились далеко не все письма Е. М. Хитрово к Пушкину за эти годы.⁹ Между тем сведения, сообщаемые ею, помогали Пушкину разбираться во французских делах, уточняли отношение русского правительства к Июльской революции и режиму Луи-Филиппа, освещали политические события и в других странах Западной Европы. В какой-то мере восполнить отсутствующие письма Е. М. Хитрово может дневник ее дочери — Д. Ф. Фикельмон.

Записки Д. Ф. Фикельмон о Пушкине стали известны в 1950-е годы; они были опубликованы как в отечественных, так и в зарубежных изданиях. Недавно появился связанный текст ее дневника за 1829—1831 годы.¹⁰

Долли Фикельмон родилась 14 октября 1804 года. Ее отец Федор Иванович Тизенгаузен пал в Аустерлицком сражении. Детство Долли прошло в Прибалтике, где она жила у родственников отца. Ее мать Елизавета Михайловна, дочь фельдмаршала Кутузова, в 1811 году второй раз вышла замуж; ее супругом стал генерал-майор Н. М. Хитрово, русский поверенный во Флоренции. С дочерьми Екатериной и Долли Елизавета Михайловна уехала в Италию. Н. М. Хитрово скончался в 1819 году. Елизавета Михайловна осталась с детьми за границей.

3 июня 1821 года Долли вышла замуж за графа Карла-Людвига Фикельмона (1777—1857), будущего австрийского посла в России. Граф Фикельмон был высокообразованным человеком, и естественно, что Долли подпала под его сильное интеллектуальное влияние. По его советам она читала сочинения Саллюстия и Цицерона, Данте

⁸ Подробнее об этом см.: Томашевский Б. В. Пушкин и Июльская революция 1830 г. (Французские дела 1830—1831 гг. в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово); Беляев М. Д. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово. — В кн.: Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Л., 1927.

⁹ Анализ переписки и отношений Пушкина с Е. М. Хитрово см.: Измайлов Н. В. Пушкин и Е. М. Хитрово. — Там же, с. 143—304.

¹⁰ Kauchtschischwili N. Il diario di Dar'ja Fëdorovna Fiquelmont. Milano, 1968.

и Петрарки, Гете и Шиллера, Новалиса и Гофмана, Мильтона и Байрона, Шатобриана и Ламартина, Бенжамена Констана и мадам де Сталь. . .

Первые известия об Июльской революции 1830 года Пушкин получил еще в Петербурге; он выехал в Москву 10 августа 1830 года, а уже в начале месяца французские события горячо обсуждались в гостиных столицы. Долли Фикельмон записала 15 августа: «В течение двух недель нет иных разговоров, иных мыслей, как о французской революции. События произошли так быстро, избрание Филиппа I так скоро последовало за отречением Карла X, что не было времени поразмыслить; во время этих огромных событий народ Парижа показал себя настолько просвещенным, таким полным единой воли, храбрости и мудрости, что им можно лишь восхищаться».¹¹

Европа продолжала бурлить. 6 ноября 1830 года Долли заносит в дневник: «Общество все еще объято смертельной тоской; ныне единственный дом, где при встречах проскальзывает немного веселости, это наши вторники и пятницы¹² проходят очень хорошо, но разговоры постоянно весьма серьезные: европейские события не таковы, чтобы веселить умы. Все в равной мере озабочены, ибо дело не только во французской революции и полном потрясении Бельгии; последствия, которые они могут иметь для всей Европы, вот что вызывает трепет. Опасение войны, которая вскоре же может стать всеобщей, вот что заставляет содрогаться!

Мы, возможно, накануне какого-то насильственного перелома, который невозможно предвидеть, но который представляется неизбежным, когда наблюдаешь брожение, вид помешательства, овладевший всеми умами: повсюду недостаток покоя и удовлетворения; среди молодежи нет более религиозного чувства, но дух восстания против Неба, равно как и против всех земных властей; потребность расторгнуть все связи, все, что напоминает сдерживающее начало; перед французской революцией¹³

¹¹ Здесь и далее цитаты из дневника Д. Ф. Фикельмон даются в переводе, напечатанном в статье: Гиллельсон М. И. Пушкин в итальянском издании дневника Д. Ф. Фикельмон. — Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970, с. 14—32.

¹² Приемные дни в салоне Фикельмон.

¹³ Фикельмон имеет в виду Великую французскую революцию 1789 года.

была чрезвычайная порча нравов и отвратительная распущенность, которая должна была привести к подрыву основ общества и к великим несчастиям; а в настоящее время — ужасное распутство ума, своеволие идей, невообразимое моральное бесчинство, чувство возмущения против всех старинных учений, против всего святого, всего спокойного; демон гордости овладел человеком, и он полагает себя более сильным, чем Небо; это новая война *Титанов*».

Оценка исторических событий дана Долли Фикельмон с исключительной проницательностью. Конечно, в широте охвата происходящего сказалась ее всесторонняя образованность. Но эрудиция сама по себе, при всей ее основательности, не была достаточной для того, чтобы почувствовать неотвратимость разрушения старого мира. Только острая историческая интуиция, сплавившая воедино знания того, что было, с тем, что происходило у нее на глазах, позволила ей предвидеть будущее. Она поняла, что порвалась «связь времен», что потерпело крушение авторитарное сознание, что происходит распад исконных нравственных начал и привычных норм общежития.

Вспомним, что именно в эти годы Лермонтов писал первые редакции своей богоборческой поэмы; его Демон «жег печатью роковой Все то, к чему ни прикасался», его герой «жил не веря ничему И ничего не признавая». Лермонтов не читал дневника Долли Фикельмон, внучки Кутузова, ставшей волею судеб хозяйкой иностранного дипломатического салона. Тем разительнее близость их мыслей. Правда, оценка событий у них различна: Долли Фикельмон порицает войну Титанов, Лермонтов прославляет «дух отрицанья, дух сомненья».

Записи Долли Фикельмон — исповедь человека незаурядного. Мы прочли ее дневник и убеждены теперь в том, что в окружении Пушкина находилась женщина острого ума, женщина, предрекавшая социальные катаклизмы. Как относился Пушкин к ее прорицаниям, мы не знаем; но вряд ли можно сомневаться в том, что они были ему известны; ведь историко-философские вопросы не раз являлись предметом оживленных споров в салоне австрийского посла. До последнего времени предполагалось, что участниками подобных бесед были Пушкин, Вяземский, Тургенев и граф Фикельмон; теперь в круг этих имен необходимо включить хозяйку салона; по своему интел-

лектуальному уровню Долли жила «с веком наравне», она была достойной собеседницей Пушкина и его друзей.¹⁴

Свидетельства современников — Александра Тургенева, Долли Фикельмон — показывают нам, какой напряженной умственной жизнью жили писатели пушкинского круга.

Меж ими все рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Все подвергалось их суду.

Так писал Пушкин об Онегине и Ленском; так он мог написать о себе и своих друзьях. Споры влекли к размышлениям; размышления вызывали новые споры.

«10 декабря <1831>... Солдан зовет меня и Пушкина на спектакль и на вечер: день рождения Марии! Поеду!!.. Вечер в спектакле и на бале у Солдан и до 6-го часа утра! Ужинали с Шереметевой, слушал Пушкина и радовался отрывкам 8-й песни Онегина!

Когда я ему сказал à propos танцев моих, по отъезде императ(о)ра, стих его: «Я не рожден царей забавить» — Пушкин прибавил: «Парижской легкостью своей!» (127).

Александр Иванович ведет нас на бал к Вере Яковлевне Сольдейн. Хозяйке дома сорок лет. Она вдова генерал-майора Христофора Федоровича Сольдейна, музыканта, любителя литературы. По свидетельству современников в доме Сольдейн собирались молодые люди любившие пофилософствовать, побеседовать о книжных новинках, поспорить о театральной премьере. Бывал там и Пушкин.

Какая удача для немецкой литературы, что рядом с Гете находился Эккерман, записывавший его беседы;

¹⁴ Подробнее о Д. Ф. Фикельмон см.: Цявловский М. Пушкин и графиня Д. Ф. Фикельмон. — «Голос минувшего», 1922, № 2, с. 108—128; Хмельевская Е. М. Из дневника графини Д. Ф. Фикельмон. — Пушкин. Исследования и материалы, т. I. М.—Л., 1956, с. 343—350; Измайлов Н. В. Пушкин в переписке и дневниках современников. — Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.—Л., 1963, с. 32—37; Раевский Н. Портреты заговорили. Алма-Ата, 1974.

как досадно, что не случился русский Эккерман рядом с Пушкиным. Тем ценнее отрывки разговоров, которые сохранили нам письма, дневники и воспоминания его друзей. Экспромт Пушкина на бале у Сольдейн — истинная находка для потомства. Поясним.

К 1818 году передовые русские люди полностью распознали лицемерие Александра I. Образование Священного союза и возвышение Аракчеева завершили отчуждение между царем и свободолюбивой молодежью. Возник план государственного переворота. На русский престол прочили императрицу Елизавету Алексеевну, Пушкин написал ей восторженный дифирамб; он был напечатан в 1819 году в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения». Цензура не посмела запретить стихотворение, прославлявшее императрицу. А стихи были смелые и независимые.

Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой Музою моей.

Любовь и тайная Свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Стихи Пушкина были на устах у всех, и не мудрено, что они запомнились Тургеневу. Строчку «Я не рожден царей забавить» вспомнил он весьма кстати. Его полуопальное положение было известно. Присутствие на балу Николая I тяготило Тургенева. Александр Иванович привнес горький автобиографический подтекст в стих Пушкина. Поэт понял его душевное состояние и, желая ободрить его, перефразировал собственный стих:

Я не рожден царей забавить
Парижской легкостью своей.

В устах Пушкина «парижская легкость» Тургенева означала его подвижность, его острый интерес ко всем проявлениям умственной жизни во французской столице.

«18 декабря <...> Заезжал к Пушкину и разбирал библиотеку...

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал,
И плети рабства ненавидя
Предвидя в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Поэт угадал: одну мысль брат имел: одно и видел, но и поэт увеличил: где видел брат эту толпу? пять, шесть — и только!» (127).

«24 декабря. Проводил Пушкина, слышал из 9-й песни Онегина и заключение: „прелестно“» (127).

Сведения о творческой истории последних глав «Евгения Онегина» крайне скудны. Поэтом каждый новый документ на вес золота; поэтому дневниковые записи Тургенева представляют первостепенный интерес.

В начале 1828 года появились в продаже четвертая и пятая главы «Евгения Онегина», изданные в одной книжке, а два месяца спустя — шестая глава; в конце ее стояло: «Конец первой части». По-видимому, в то время Пушкин предполагал написать еще шесть глав, которые составили бы вторую часть романа. М. В. Юзефович, встречавший поэта летом 1829 года, вспоминал о беседах Пушкина с друзьями: «Он объяснял нам довольно подробно все, что входило в первоначальный замысел, по которому, между прочим, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов».¹⁵

Дальнейшая судьба Онегина и была бы рассказана в последних главах романа.

Отмена «чугунного» цензурного устава 1826 года (новый устав был утвержден весной 1828 года) создала иллюзию ослабления цензурного гнета. Были у Пушкина и другие иллюзии; он надеялся, что Николай I амнистирует декабристов и осуществит прогрессивные государственные реформы. В этих условиях могло стать возможным обращение к недавней истории и изображение в романе неприглядных черт минувшего царствования. Между тем время шло, иллюзии исчезали; надежды на великодушные реформы и на дальновидность его политического курса не оправдались, и Пушкин вынужден был урезать замысел «Евгения Онегина», приноравливаясь к реальным цензур-

¹⁵ РА, 1880, кн. III (2), с. 443.

ным условиям. В марте 1830 года появилась седьмая глава романа, а в январе 1832 года — восьмая глава, ставшая последней.

На самом деле по авторскому счету опубликованная восьмая глава была девятой, и в кругу друзей Пушкин читал последние главы в той последовательности, как он их писал.

Свидетельства Тургенева вызывают ряд вопросов. Что он именуется заключением романа? Не десятую ли сожженную главу? Такому предположению противоречит позднейшее письмо Александра Ивановича к брату. 11 августа 1832 года он писал из Мюнхена в Париж: «Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он описывает путешествие его по России и упоминает, между прочим, и о тебе <...> В этой части у него есть прелестные характеристики русских и России, но она останется надолго под спудом. Он читал мне в Москве только отрывки».¹⁶

Итак, декабристские строки входили в «Путешествие Онегина», то есть в первоначальную восьмую главу. Затем Пушкин решил «обезвредить» «Путешествие Онегина», выделив декабристскую хронику и некоторые другие строфы в десятую главу. Это предположение подтверждается бумагами Пушкина: одна из первых строф «Путешествия Онегина» («Наскуча щеголять Мельмотом...») в рукописи зачеркнута и сбоку приписано: «в X песнь».¹⁷

Александр Иванович сообщил стихи брату в Париж и против строки «Хромой Тургенев им внимал» добавил от себя: «т. е. заговорщикам; я сказал ему, что ты и не внимал и не знал их». Александр Иванович был уверен,

что его брат, уехавший за границу в 1824 году, не ответствен за выступление декабристов на Сенатской площади.

Оценки современников и потомства часто не сходятся между собою. Мы воспринимаем строки Пушкина о Николае Тургеневе как дань уважения к декабристу-изгнаннику. Но сам он, виновник этой строфы, судил иначе; по его мнению, поэт поступил неосмотрительно, включая в роман строфы о декабристах: «Если те, кои были несчастливее меня и погибли, не имели лучших прав на цивилизацию, нежели Пушкин, то они приобрели иные права пожертвованиями и страданиями, кои и их ставят выше суждений их соотечественников».¹⁸ Декабрист Тургенев считал Пушкина некомпетентным вершить суд истории.

Николай Тургенев ошибся. Он недооценил гигантского возмущения Пушкина за время их разлуки. Даже в том виде, в каком дошли до нас декабристские строфы романа, они изобличают глубокий и верный взгляд на деятелей 14 декабря, на значение их подвига для исторических судеб России. Поэт, считавший декабристов своими «друзьями, братьями, товарищами», воздвиг им бессмертный памятник и в послании «Во глубине сибирских руд» и в декабристских строфах романа в стихах.

От Петра I до восстания на Сенатской площади — таков диапазон Пушкина-историка. И в каком бы жанре он ни писал — будь то стихи или проза, исторический роман или летопись событий — всюду мы ощущаем неистребимое желание писателя соединить прошлое с современностью, осветить свечильником истории настоящее и будущее.

¹⁶ ЖМНП, 1913, Нов. серия, ч. XLIV, март, отд. 2, с. 17.

¹⁷ О десятой главе «Евгения Онегина» см.: Томашевский Б. В. Десятая глава «Евгения Онегина». — ЛН, т. 16—18, с. 379—420; Гессен С. Источники десятой главы «Евгения Онегина». — В кн.: Декабристы и их время, т. II. М., 1932, с. 130—160; Гербстман А. И. Судьба десятой главы «Евгения Онегина». — «Учен. зап. Казахского ун-та», т. XXV, Язык и литература. Алма-Ата, 1957, с. 109—122; он же. К вопросу о сюжете «Евгения Онегина». — «Учен. зап. Казахского ун-та», каф. русской и зарубежной литературы. вып. 1. Алма-Ата, 1957, с. 3—7; Дьяконов И. М. О восьмой, девятой и десятой главах «Евгения Онегина». — РЛ, 1963, № 3, с. 37—61; Цявловская Т. Г. Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта. — Временник Пушкинской комиссии. 1963, М.—Л., 1966, с. 25—28.

¹⁸ ЖМНП, 1913. Нов. серия, ч. XLIV, март, отд. 2, стр. 18.